

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Нина Серафимовна Степанычева родилась 20 октября 1942 года в Кургане. Училась в школе юных математиков при МГУ. В 1966 году закончила физический факультет Уральского государственного университета. Именно здесь появилось увлечение, позднее занявшее значительное место в ее жизни — живопись. Вместе с дипломом физика ей было вручено свидетельство, удостоверяющее, что, обучаясь на факультете общественных профессий Уральского университета, она получила профессию преподавателя изостудии.

Работала сначала в Институте геологии и геохимии, затем — в Институте геофизики Уральского научного центра АН СССР. В 1979 году ушла в оборонную промышленность.

Одновременно занималась в изостудии Дворца культуры им. Горького. Страстью Нины Серафимовны стала акварель. Техника это капризная, своенравная, дающаяся не всем. Нина Серафимовна достигла в акварели редкостного артистизма.

Вся прелесть ее картин в их чудесных светотональных нюансах. Акварель используется то легко и неосяземо, то сильно и плотно. Мир художницы близок к натуре и одновременно сознательно отдален от нее. Мастер не копирует, а творчески преобразяет природу. Простая душа чиста, не испорчена охлаждающим знанием. Отсюда свежесть и непосредственность творческих проявлений художницы, порой недоступные искушенным профессионалам.

С 1992 года Нина Серафимовна — преподаватель художественной школы № 4 Екатеринбурга. Участник многих городских, областных и республиканских выставок, член Творческого объединения «Ученые-художники».

У Нины Серафимовны не только «легкая кисть», но и «легкое перо». Ее юмористические новеллы давно пользуются популярностью среди уральских физиков и художников. Надеемся, они понравятся и нашим читателям.

Н. С. Степанычева

ЛИРИКО-ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ФИЗИКА

Мелочи жизни

Смысл жизни

В трудные послевоенные пятидесятые годы моей семейной обязанностью было стоять в очереди за хлебом. Было мне лет восемь или девять, и была я маленького роста, но боевая. Поэтому в очереди стояла я, а не старшая сестра.

А по вечерам родители читали нам вслух русскую классику. Дошла очередь до тургеневского «Дворянского гнезда». И вот слушала я, слушала, как Лавренев весь извелся, думая о смысле жизни, и изрекла: «Посылали бы его за булочками в “Жилдом” — так странно магазин называли, — тогда бы знал, в чем смысл жизни!».

Осел

Идет урок литературы в шестом классе. Отвечает отличница Рая Ловенкова. Открывает она рот, и... весь класс лежит от хохота.

— Осел, с отдаленной поднявшись вершины...

— Ничего, Рая, — успокаивает ее учительница, начни снова.

Собравшись с духом, Рая начинает:

— Осел, с отдаленной...

Так повторяется три раза. Тогда Зинаида Николаевна нашла выход:

— Я скажу первую строчку, а ты будешь продолжать.

К величайшему своему и нашему удивлению, серьезная учительница вдруг произносит:

— Осел, с отдаленной поднявшись вершины...

Продолжать Рая не смогла.

Немного перепутала

У моей мамы плохая память на людей, может и перепутать. Однажды приходит с работы домой и смеется:

— Знаешь, Нина, только подходя к дому, сообразила, что перепутала твою школьную директрису с врачом из психбольницы.

Дело в том, что у меня брат с детства болен энцефалитом, а из-за меня маму часто в школу вызывали. Так что и с директором школы, Серафимой Николаевной, и с заведующей отделением психбольницы, Цилей Марковной, маме приходилось общаться довольно часто.

И вот встретила мама директора школы, Серафиму Николаевну, и, как вежливый человек, стала ей сочувствовать:

— Что-то вид у вас усталый.

— Да уж, устала.

— Тяжелая у вас работа, целый день с идиотами.

— Что вы, не все же идиоты, есть и тихие.

— Да тихих-то ведь гораздо меньше, чем буйных.

— Вы не правы, есть и вполне приличные люди.

— Что ж, попадаютса, конечно. Одно утешение: у вас отпуск большой, два месяца.

(У той и у другой, действительно, отпуск, два месяца.)

— Да, хоть летом можно отдохнуть от своих подопечных.

Посочувствовала мама знакомой, что тяжело ей с идиотами работать, та попыталась пояснить, что не все же идиоты (это в школе-то!), на том и разошлись, каждый при своем мнении.

Валенки

У меня родители только слегка рассеянные, а вот их ближайшие друзья, Фомины, — те, точно, все рекорды бьют.

Однажды зимой, когда их сын Вова приехал из Ленинграда на каникулы (сейчас он уже доктор наук, закончил Ленинградский университет), пришли они к нам в гости. Посидели, выслушали столичные новости, проводили. Вдруг, немного погодя, звонок в дверь. Открываем, в дверях Вова стоит, с ноги на ногу переминается.

— Вова, что забыл?

— Валенки.

— Как сообразил?

— Вышел из подъезда, а там снег.

Корова (Карманные расходы)

Кончила я университет, весьма серьезный факультет — физический. И пришла на работу в Институт геологии и геохимии. Ну, поскольку еще не очень оперилась в денежном смысле, то однажды, собираясь в отпуск, написала заявление в кассу взаимопомощи (существовали раньше такие) с просьбой, чтобы мне выдали сто рублей на карманные расходы. В буквальном смысле на карманные, так как путевка и билеты туда и обратно были уже куплены.

Но денег мне не дали, оскорбившись моим легкомысленным, как им показалось, заявлением.

Тогда я написала, что деньги нужны для покупки коровы. Ничего другого почему-то в голову не пришло.

Самое смешное, что деньги выдали тут же, даже не поинтересовавшись, где я буду держать эту самую корову.

Отодвиньте суп

Наверное, многое в нашей жизни зависит от того, как мы к этому (многому) относимся, и хорошо, если это отношение у близких людей одинаковое.

Приезжаю в гости к сыну, у него родилась маленькая дочка Настенька. Захожу как-то на кухню, а на плите кастрюля с супом стоит незакрытая и в кастрюлю с плохо выжатых пеленок капает. Если бы я сильно не удивилась, может, и промолчала бы, но я почему-то воскликнула:

— Гуля! С пеленок прямо с суп капает.

— Так отодвиньте суп, — послышался с дивана невозмутимый голос.

С тех пор и живем по принципу «отодвиньте суп», хорошо живем.

Диалог у хирурга

Заболела у меня нога, в коленке даже что-то хрустнуло (это я под Новый год молодежи показывала, как надо правильно твист танцевать). Дотанцевалась, одним словом, пришлось к хирургу обратиться. Он весьма дотошно мои ноги обследовал, при этом почему-то и второе колено заболело, видно, за компанию. Хирург говорит:

— У Вас артроз.

— С чего это вдруг? — возмутилась я. — У меня с головой все в порядке.

— А при чем тут ваша голова? — удивился хирург, — я у Вас ноги лечу.

Перепутала артроз со склерозом.

Чудаки, или Байки художника*На озере Иткуль*

В семи километрах от озера Иткуль, по дороге на город Уфалей, есть маленькая деревушка, да и не деревушка даже, а всего пять полузаброшенных домов, в которых время от времени живут дачники. Как-то и я там отдыхала, приехала в гости к друзьям, чтобы порисовать.

И вот, встав ни свет, ни заря, наскоро позавтракав, часов в шесть утра мы быстро (благо дорога спускается с горы) идем в село Иткуль, к озеру, причем каждый по своим делам. Я, тогда еще художник-любитель, — рисовать, мои спутники — Борис Абрамович с женой Милой — рыбачить.

Примерно через километр нас подхватил маленький автобус, и замечательные местные пейзажи — извивающаяся дорога и дальние горы — замелькали значительно быстрее.

Светало. Вскоре автобус, высадив нас перед высоким забором (это была турбаза какого-то уфалейского завода), умчался дальше. А мы остановились, как вкопанные. За забором, между соснами, виднелось озеро, еще совершенно темное (дело было в августе), а на дальнем берегу, за фиолетовыми горами, разгорался рассвет. И какой!

Рассветные краски меняются быстро, слишком быстро. И тогда Борис Абрамович скомандовал:

— Лезь! До ворот очень далеко, не успеешь.

— Да вы что! Забор высоченный, не смогу.

— А ты под забор. Видишь, собаки лаз под забором прорыли.

— А сторожевая собака? — она уже давно громким лаем заливалась по ту сторону забора.

— Сторожевая, хоть и овчарка, не кусается.

И почему-то поверив ему на слово, я по-пластунски протискиваюсь в дыру под забором и, прихватив рюкзак, несусь между соснами по территории турбазы к берегу. Собака онемела от такой моей бесцеремонности. Но мне, честно говоря, не до нее. Рассвет!

Вот на черно-фиолетовом небе появилась пурпурная полоска, скользнув по воде красноватым отблеском. А на другом краю неба вспыхнула, как пламя, темно-красная полоса. Но ее тут же прикрыли надвинувшиеся тучи. Краски неба мелькали, как в калейдоскопе, и так же быстро вслед за небом менялась вода.

И вот последняя картина этого буйного красочного колдовства — темно-фиолетовые силуэты горных вершин, а между ними — яркие лимонно-желтые уголки неба, залитого ослепительным светом встающего, но еще закрытого горами, солнца.

И хотя понятно было, что за этим красочным калейдоскопом мне не угнаться, я все-таки лихорадочно хватала один лист бумаги за другим, чтобы успеть хоть что-нибудь.

Совсем рассвело. Краски неба поблекли. Было холодно и сыро. Листы акварели, придавленные галькой, чтобы не унесло утренним ветром, сиротливо лежали на берегу. А я изображала нечто среднее между пляской дикаря и ветряной мельницей: размахивала руками под неодобрительными взглядами сторожевой собаки, державшейся поодаль. Рассветы она наверняка видела и получше, а вот такой дикой пляски не видела никогда. У меня от холода стучали зубы, и это вовсе не литературная метафора.

Неожиданно подошел сторож:

— Я за Вами давно наблюдаю. Вижу, очень замерзли. Можно Вас пригласить в сторожку на чай?

— Можно, — говорю я, стуча зубами.

Мои рыбаки уже давно уплыли. Я пью горячий чай, а сама невольно, как мне кажется, незаметно для хозяина, поглядываю на подоконник, где заманчиво поблескивает пол-бутылки водки. Наблюдательный сторож заметил:

— Можно Вам предложить?

— Можно, — говорю с радостью.

И вот я в девять часов утра где-то на берегу Иткуля в сторожке пью водку и веду беседу об искусстве со сторожем, как оказалось, любителем живописи. Учился два года в художественном училище, но так сложилась жизнь, что пришлось бросить. А рассветы остались. Осталось и желание, и умение видеть — и эти рассветы, и многое другое.

Дровосек

Сижу на берегу Нейво-Рудянского пруда, на самом краю поселка, этюд пишу. Неподалеку мужик дрова колет и домой их перетаскивает.

Но в какой-то момент мне показалось, что дрова он уже все переколол и ходит с ними взад-вперед. Пригляделась — и точно. Когда дровосек понял, что я заметила, как он кругами ходит, подошел, извинился. Деревенские жители, между прочим, вежливее и тактичнее городских. Посмотрел он, поговорили мы о том, о сем, в основном об акварели.

— Я бы хотел Вас в гости пригласить, — сказал он как-то неуверенно. — Я акварелью когда-то писал, а теперь из кедра разные изделия делаю.

Заинтересовал он меня, пошли смотреть. Изделия, особенно маски, очень выразительны, талантливо сделаны. А на стене, во всю ее ширину, акварель висит — тающий лед на пруду.

— Как это вы умудрились на улице в начале весны такую большую работу написать? Видно ведь, что с натуры написано.

— А вы обернитесь.

Обернулась и ахнула. В кухонном окне, которое, как мне показалось, расположено в странном месте, весь пруд виден.

— Я специально здесь окно прорубил, чтобы озеро наблюдать и писать в любую погоду. А чертей и маски односельчанам дарю, шибко радуются.

Вот такие живут в глубинке чудаки, на которых земля держится.

Летний снегопад

Бывая в Миассе по семейным делам довольно часто, я много раз собиралась съездить на озеро Тургояк, но все как-то не хватало времени. И вот уже в августе, наконец, собралась и, прихватив купальник, с этюдником в руках поехала. Места красивые. Большое озеро в чаше гор. Вода чистейшая, наверное, как на Байкале, каждый камешек на глубине видно, но очень холодная! День солнечный и ветреный, по небу облака гуляют.

Я сижу на пляже и не столько этюд пишу, сколько раздумываю: искупаться, не искупаться. Ребята, разумеется, купаются вовсю. Но тут из-за гор стала быстро надвигаться темная туча, поднялся ветер. А при сильном ветре вода приобретает красивый, совершенно нереальный зеленый цвет. Тут же все сомнения побоку: даешь этюд! И пока я пыталась запечатлеть быстро меняющееся состояние воды и неба, как-то не поняла, почему все отдыхающие хватают свои вещи и бегут на остановку автобуса.

Когда поняла, было уже поздно. Резко похолодало, и из этой самой тучи крупными хлопьями повалил снег на зеленую воду, опустевший пляж и на меня в купальнике. Со стороны, полагаю, зрелище было потрясающее! И цвет моей кожи явно был такого же сине-зеленого оттенка, что и вода, в гармонии, одним словом. Когда уже туча ушла, мне удалось втиснуться в переполненный автобус. Обрадовалась тесноте, согрелась. Пасса-

жиры в автобусе говорили, что такие необычные явления бывают на Турго-
яке довольно часто.

Илька

Появился у моего приятеля щенок Илька, стали мы его с собой в лес брать. Когда первый раз он зимой в лес попал, радости его предела не было. Прыгал, как заяц лопухий, по сугробам и до того устал, что пришлось назад его в рюкзак нести. Со временем повзрослел, но все равно и снегу, и лесу бурно радовался.

Катались мы на лыжах не быстро, по сторонам смотрели, сюжеты для этюдов высматривали. Но стала я замечать при каждой нашей вылазке в лес странную вещь. Там, где встречная лыжня есть, люди, проходя мимо и глядя на меня, улыбаться начинают. Кто тихонько так ухмыляется, а один во весь голос захохотал. Оборачиваюсь, спрашиваю приятеля:

— Слушай, на мне все в порядке?

— Нормально.

— Чему люди улыбаются?

— Не знаю, видно настроение хорошее, погода прекрасная.

Но вот и погода испортилась, а встречные лыжники почему-то продолжают улыбаться. Обернулась: сзади все нормально. Только у моих спутников, у собаки Ильки и у его хозяина Володи, морды какие-то уж очень серьезные, с явным выражением: «Мы тут совершенно ни при чем!». Всем весело, а они ни при чем. Ну, думаю, что-то тут не так. Поехала быстрее, на ходу резко обернулась и застыла от удивления. Оказывается, Илька, устав, пристроился ехать на моих лыжах: две лапы на одной лыже, две на другой. И так по очереди: левой — правой, левой — правой. А когда я оборачивалась, он быстренько с лыж соскакивал и с невинной мордой рядом стоял. Но на этот раз, поняв, что его застукали, слез с лыж с виноватым видом, виляя хвостом.

Представляю, сколько людей мы втроем в ту зиму повеселили: левой — правой, левой — правой...

Схватка

Облюбовала я себе тихое местечко на опушке леса на пригорке. Наверху коза с козлятами паслась. Мне и в голову не могло прийти, что коза будет возражать против моего присутствия.

Уселась, этюдник открыла. (Как показали последующие события, хорошо, что этюдник был большой.) И тут же получила сильный удар в плечо. Я вскочила, этюдник не закрылся, помешали кисти, а коза отскочила на несколько метров и, нагнув голову и выставив рога, снова приготовилась к падению. Мысль пронеслась: бежать нельзя, догонит и в зад поддаст. Незакрытым этюдником почему-то живот прикрываю, и, когда коза понеслась в атаку, закрыла глаза от страха. И тут же почувствовала сильный удар рогами по

этюднику. С тех пор знаю, что такое «костяной» звук. Коза ударила и отскочила. Я стала изображать, что не боюсь, камнями козу отгоняю. И чего она взбеленилась, шашлык из ее козлят я делать не собиралась. Тут появился на склоне пастух, удивился: «Что Вы так испугались? Моя коза не бодается».

Я позволила себе с ним не согласиться. А когда села рисовать, карандаш у меня в руке плясал. Этюд тот я сохранила на память о своей героической обороне.

Пьяные березы

У Бестужева-Марлинского есть интересный опус о влиянии винных паров на развитие русской словесности. Не знаю, как на самом деле пары сии влияют на словесность, а вот как на рисование — убедилась на собственном опыте.

С геофизической экспедицией, когда я служила физиком, а не лириком, была зимой в Челябинской области на «эксперименте века» (проводили испытание МГД-генератора). В подробности технические вдаваться не буду, только случилось однажды так, что просидели в машине целый день в заснеженном лесу, а «пуска» так и не было. Сидели, ждали, на двоих (третий — за рулем) бутылку водки выпили: зима все-таки. Подкрепившись, решила я порисовать углем. Лес березовый, красивый такой. А березы качаются, то ли от ветра, то ли еще от чего. Облокотилась я на наш тягач и нарисовала неплохой, как мне показалось, этюд.

Потом, в изостудии, на него обратил внимание мой преподаватель:

— Нина, какие выразительные березы, как пьяные стоят.

Уточнять истину я не стала.

Сила искусства

Собирались раньше по выходным дням у меня приятели художники порисовать. И настолько это вошло в привычку, что их не останавливал ни зной, ни холод.

Но однажды я была потрясена до глубины души. Проснувшись утречком, посмотрела на уличный термометр, а там -32° по Цельсию. Опять спать улеглась. Вдруг слышу резкий звонок. Вылезать из-под одеяла не хотелось, но звонок все звонит. Значит, не приснилось, накинула халат, спрашиваю:

— Кто там?

— Это я, — придуток, — вдруг слышу из-за двери знакомый голос.

В полном замешательстве открываю дверь и снова слышу:

— Настоящий придуток.

— Почему, Александр Степанович?

— Ну кто еще может приехать рисовать в тридцатиградусный мороз с другого конца города?

Вот что значит сила искусства.